

Камалова М.И., Соловьев А.И.

Государственная молодежная политика: проблемы и траектории развития в современной России

Камалова Мария Игоревна — аспирант кафедры политического анализа, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: alaevami@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [3864-0318](https://elibrary.ru/3864-0318)

Соловьев Александр Иванович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: solovyev@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [6709-2486](https://elibrary.ru/6709-2486)

ORCID ID: [0000-0001-7146-0299](https://orcid.org/0000-0001-7146-0299)

Аннотация

На основании анализа типичных практик и механизмов формирования современной государственной молодежной политики в российском обществе в статье показывается противоречивость и недостаточность усилий государства в этой сфере, отмечается низкая результативность реализации поставленных властями целей. В качестве основных причин, затрудняющих эффективную работу с молодежью, называется преобладание в работе властей формально-институализированных механизмов и технологий, оборачивающихся заорганизованностью и парадным стилем поддержания с молодежью социальных связей, а также слабой идентификацией поколенческих особенностей и межпоколенческих отношений в этой социальной группе. Данные подходы и порожденные ими коммуникации обуславливают нарастание издержек и рисков работы с молодым поколением, ориентированным на менее стесненные административными ограничениями формы самореализации и проявления своего социального потенциала. В конечном счете институциональные и административные ограничения в немалой степени снижают эффективность молодежной политики, а в ряде случаев не позволяют властям наладить с молодежью нужные и той, и другой стороне доверительные отношения. В более широком социально-политическом контексте такие неустойчивые формы общественной солидарности мешают властям связать воедино усилия по демократизации общества и формированию в молодежной среде идентификационных моделей, основанных на приверженности нормам и принципам установившегося политического порядка. В качестве более продуктивной стратегии работы с молодежью предлагается переход к более деформализованным практикам, призванным существенно обновить приемы и методы работы специализированных, участвующих в проведении молодежной политики институтов, расширить практику проектирования конкретных программ и целей на основе усиления неформальных коммуникаций с различными, особенно профессиональными, территориальными и национальными корпусами молодежи. Зоной пристального внимания должны стать и различные поколения молодежи, особенно с учетом прогрессирующего взросления молодых людей и их включения в сферу профессиональных коммуникаций. Неотъемлемым инструментом обновления государственной молодежной политики должно стать качественное расширение практического участия молодых людей в решении актуальных общественных проблем на местном и региональном уровнях государственного управления. Однако при всей специфике работы с молодежью успех государственной политики может быть достигнут только на фоне общедемократических трансформаций в российском государстве и обществе.

Ключевые слова

Государственная молодежная политика, институциональный дизайн, молодежь, межпоколенческие противоречия, демократия.

DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10109

Введение

Как правило, любые политические игроки видят привлечение ресурсов и силы государства в качестве если не гарантий, то условий осуществления своих планов. Понятно, что и государство рассматривает влияние своих институтов как основную предпосылку воплощения в жизнь своих проектов и целей, в первую очередь стратегических, лежащих в основании решения ключевых политических задач правящего режима. В то же время любые формы государственной политики, использующие мощь публичных институтов, неизбежно связаны с решением двоякой задачи: коррекцией (стабилизацией или конструированием) условий жизнедеятельности определенных групп населения, а также с попытками влияния на чувства и представления принадлежащих к ним микрогрупп и индивидов. В конкретных общественных условиях власти могут переносить акценты в своей целенаправленной деятельности на ту задачу, которая в большей степени позволяет им снижать издержки и риски распределения общественных ресурсов и мобилизовывать население на поддержку своих планов.

В рамках такой конфигурации целенаправленных усилий государства выстроена и политика российской власти в отношении молодежи. Другой вопрос, насколько эффективны предпринимаемые властями действия по отношению к этой группе населения с учетом ее возрастных особенностей и специфики позиционирования в общественном пространстве? Так, с одной стороны, молодежь включена во все социально-экономические, профессиональные, территориальные и иные сообщества, а с другой — обладает рядом психофизических и социокультурных характеристик (энтузиазм, критическое мышление, обостренное чувство справедливости, эмоциональность, максимализм, незаурядный интеллектуальный и творческий потенциал), которые обуславливают подвижность ее социального облика. Более того, молодежь постоянно демонстрирует динамичные формы переопределения своего статуса, мотивации, ценностей, идей, интересов и мировоззрения в целом [Зубок и др. 2016, 166].

Понятно, что в силу указанных причин основные задачи государственной молодежной политики должны носить весьма диверсифицированный характер, требующий четкого соотнесения особенностей социальной динамики этой группы населения с характером общественного развития. В то же время немалое количество ученых рассматривает государственную политику прежде всего как набор институционально-управленческих действий государственного аппарата [Lunn, Wildawsky 1990], предполагающий влияние институтов исполнительной власти на ключевые области жизни общества с помощью рационального распределения и

перераспределения общественных благ и некоторых других мер [Публичная политика 2018; Андрюшина 2018].

Институциональный подход: возможности и ограничения

В настоящее время российским государством, выстраивающим свою политику в отношении молодежи, в основном используются методы, относящиеся к институционально-правовому подходу. На протяжении всего постсоветского периода властями постоянно принимались политико-административные решения, направленные на создание специальных институтов и их кадровое обеспечение, регулирующих отношения государства с этой социальной группой. Например, еще в далеком 1991 г. была введена должность Полномочного представителя Правительства РФ по делам молодежи, а в 1993 г. создан Комитет РФ по делам молодежи (в 1997 г. получивший статус Государственного комитета РФ по делам молодежи).

Не стремясь описать все институциональные меры в этой области, отметим лишь то, что наряду с созданием многочисленных структур, курирующих сегодня дела молодежи, государство не только регулярно осуществляет мероприятия в данной сфере (организует профессиональные конкурсы, молодежные форумы, спортивные мероприятия, оказывает направленную помощь молодым семьям и т.д.), но и разрабатывает различные программы и проекты, направленные на совершенствование различных аспектов жизнедеятельности этой социальной группы (к примеру, расширение доступности высшего образования для молодежи из регионов, развитие волонтерского движения и т.д.), совершенствуя соответствующие формы институционального дизайна. В этом смысле своеобразным венцом такой деятельности можно считать принятие поправок к Конституции РФ, отражающих принципиальную роль молодежи в развитии общества, а также внесение 22 июля 2020 г. в Государственную Думу проекта закона о молодежной политике¹. По мнению ряда ученых, отсутствие до сегодняшнего дня в Конституции РФ каких-либо упоминаний о молодежи и государственной молодежной политике относительно этой социальной группы является серьезным юридическим пробелом и главным источником противоречивости формирования законодательства в сфере государственной молодежной политики [Кочетков 2009]. По мнению этих ученых, такие нововведения дадут дополнительный толчок упорядочиванию и выстраиванию единой иерархии законодательных и нормативно-правовых актов в сфере государственной молодежной политики.

---

¹ В Государственную Думу внесен проект федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» // Официальный сайт Федерального агентства по делам молодежи [Электронный ресурс]. URL: https://fadm.gov.ru/news/55777?is_important=true (дата обращения: 30.07.2020).

В то же время нельзя не видеть, что целенаправленность усилий государства в отношении молодежи должна предусматривать не только создание тех или иных условий жизнедеятельности молодого поколения или же вести к повышению его уровня жизни, но и включать в себя достижение устойчивого консенсуса относительно прав, обязанностей и привилегий этой категории граждан по отношению к государству и наоборот [Vozeman 2007]. Иначе говоря, такие грани государственной политики ставят вопрос об учете идейных и ценностно-ориентационных, субкультурных и ментальных свойств молодежи, с которой необходимо достигать согласия как в части понимания ею своих прав и обязанностей, так и в плане оценивания молодыми людьми характера сложившейся социально-политической системы и границ собственных перспектив и возможностей.

Другими словами, деятельность государственных институтов способна создать всего лишь общий контур взаимодействия властей с молодым поколением, способный наметить или скорректировать перспективы развития молодежи в российском обществе. В то же время содержание этих коммуникаций зависит от понимания властями особенностей гражданской социализации и идентификации молодого поколения, динамики его запросов и требований. Следует учитывать и то, что в настоящее время основные запросы и потоки молодежной активности в значительной мере формируются в информационной среде, размеры которой значительно превышают возможности государства контролировать или профилировать генерируемые ею сведения, особенно с учетом характера и интенсивности интернет-трафика. Такая безграничность информационного поля резко активизирует идентификационные последствия демонстрационного эффекта, предполагающего непрерывные сравнения собственных убеждений и накопленного социального опыта с внутри- и внешнеполитическими практиками, корректирующими различные (в том числе мировоззренческие) установки молодых людей и влияющими на их картину мира. Представляется, что для современного российского общества особенности гражданской идентификации молодого поколения имеют тройное значение.

Прежде всего, это перцептивный экран, через который молодежь воспринимает весь спектр социально-политических процессов в стране (в том числе оценивая публичные обещания и акции властей) и в мире, чутко улавливая резкое повышение неопределенности макрополитической среды, которая испытывает влияние крупных геополитических конфликтов и инновационных цивилизационных проектов, осуществляемых ведущими мировыми державами [Schwartzman 2006]. Неизбежно

появляющаяся в подобных условиях определенная растерянность в отношении понимания траекторий мирового развития подкрепляется авторитетным мнением некоторых аналитиков, заявляющих об окончании эпохи глобализации, начавшейся в 1980-е гг., и о переходе к «веку беспорядка»².

Во-вторых, обособленную и весомую роль в усугублении внутренней конфликтности взглядов и убеждений молодежи играет переходный социально-политический характер российского общества, в котором предлагаются различные, в том числе и прямо противоположные, альтернативы развития, обладающие определенными шансами на реализацию. В этом смысле мозаичные образы настоящего и будущего сходятся на перекрестке разнонаправленных политических потоков, каждый из которых предлагает молодежи и разные социальные перспективы, и непосредственные возможности для ее жизненной самореализации.

И, наконец, третьим средовым фактором являются многочисленные попытки разнообразных (в том числе экстремистских, традиционалистских, сектантских и прочих) политических сил, стремящихся предложить молодежи собственные фреймы интерпретации ее жизненных целей и ценностей. Подобные группировки предлагают молодому поколению идеи и представления, существенно отличающиеся от тех, что популяризирует и пытается продвигать государство, однако не это обстоятельство создает серьезные проблемы. Как показывает практика, методы и инструменты влияния этих, условно говоря, корпоративных агентов на молодежное сознание подчас обладают весьма изощренным характером, апеллирующим к психологическим особенностям молодого поколения и потому нередко оказывающимся более результативными, нежели нормативно-институциональные подходы властей. Это достаточно тревожно, ибо, судя по повседневным практикам молодежной активности, можно видеть, что различные группы молодых людей никогда (хотя и в разных масштабах) не оставляют без «мировоззренческого ответа» усилия как государства, так и его оппонентов.

Последнее соображение стоит подчеркнуть особо, поскольку внутренние ориентиры и ценности молодых людей — даже при необычайном информационном разнообразии — сохраняют свое ядерное значение, обуславливая их искреннюю требовательность к организации власти, обществу, человеческим взаимоотношениям. Именно на этой основе молодежь не только формирует свои идентификационные представления, но и оценивает общественный опыт, сконцентрированный в виде

---

² Deutsche Bank предсказал наступление «эпохи беспорядка», которая придет на смену глобализации в посткоронавирусном мире // News.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsru.com/finance/10sep2020/besporjadok.html> (дата обращения: 12.09.2020).

официальных норм, популяризируемых государством представлений о традициях и обычаях Отечества. Эти воззрения создают у молодежи панорамное видение настоящего и жизненных перспектив, вырастающих из ощущаемых ею стратегий развития государства и общества.

Таким образом, различные интерпретации идей и паттернов разнообразных акторов (популяризирующих практики сторонников радикальных сообществ и настоящих патриотов Родины, индифферентных к политике личностей и горячих сторонников демократических преобразований и т.д.) не только оказывают определенное воздействие на умонастроения молодежи, но и обуславливают появление в ее среде самых разнообразных умонастроений и алгоритмов социального поведения. Разные корпуса молодежи участвуют в движениях гражданского протеста против злоупотреблений чиновников и занимаются навязчивым высмеиванием (троллингом) несогласных, участвуют в группировках, ориентированных на применение силы в отношении своих оппонентов, или демонстративно сторонятся любых публичных политических акций и т.д. При этом официальные институты часто оказываются не в состоянии даже упорядочить такие формы активности.

Названные средовые факторы демонстрируют качественное повышение неопределенности внешней среды, стимулирующей какофонию обрушивающихся на молодежь потоков политических идей и стилей поведения. Такие реалии не только усложняют для государства разработку целенаправленных социальных изменений, но и создают особые трудности при разработке стратегий на основе единой системы ценностных координат, способных стать фундаментом политического мировоззрения молодых граждан [Образы государств, наций и лидеров 2008, 288].

Обновление методов работы с молодежью — требование времени

Обозначенные реалии предполагают не только усиление внимания со стороны государства и общества к молодежной аудитории, но и активизацию планомерной работы, требующей качественного повышения кооперации действий государственных и общественных структур по выработке и реализации тех социальных целей, которые способны сделать российскую молодежь уверенной в своих силах, а ее жизнь — благополучной. Эти задачи требуют от государственных институтов не только оперативной коррекции своей повседневной деятельности (хотя рамки официальных институтов с их многочисленными согласованиями и длительной организацией совместных акций не всегда позволяют предпринимать оперативные действия, в результате чего даже принятие верных решений затягивается, а нередко превращается в

«литературу проектов»»), предельно далекую от жизненных реалий), но и использования более неформальных действий, позволяющих поддерживать более плотную коммуникацию с молодежной аудиторией.

Понятно, однако, что в таком случае властями должны в полной мере учитываться особенности ментальных фильтров в сознании различных, дифференцированных по своему социальному статусу корпусов молодежи, влияющих не только на их отношение к действительности, но и на различные формы их самоорганизации. Между тем в последние годы государство уделяет преимущественное внимание расширению численности специализированных институциональных структур, созданию общественных организаций, молодежных формирований политических партий, созданию и укреплению административных или квазиадминистративных структур. Например, сегодня в качестве структурных подразделений Росмолодежи действуют Роспатриотцентр, Роскультцентр, Роспредпринимательство и некоторые другие институции. Подобные формы институализированной активности государства в немалой степени свидетельствуют не только и не столько об усилении внимания к профильной активности молодого поколения, сколько о расширении контрольных и патронажных практик по отношению к различным корпусам молодежи. Логическим сопровождением и продолжением такого рода усилий становится систематическая организация различных молодежных форумов, слетов, профессиональных конкурсов, спартакиад и других аналогичных мероприятий. При этом, несмотря на весьма узкий охват участников такого рода мероприятий, этот парадно-праздничный стиль стал едва ли не визитной карточкой современной молодежной политики, призванной олицетворять внимание и заботу властей о молодом поколении.

Такие мероприятия, по оценке специалистов, помимо информационных эффектов, показывают и то, что правительственные модераторы недостаточно грамотно работают с молодежью, большее внимание уделяя работе с политическими технологиями, нежели со смыслами, образами и ценностями молодежи [Там же]. В то же время, как показывает опыт, молодые люди, выстраивающие свою жизненную траекторию, больше внимания обращают на реальный уровень высшего (профессионального) образования, осознавая, что ведущие университеты страны занимают весьма скромное место в мировых рейтингах, на характер отечественного производственного комплекса, который, несмотря на наличие ряда передовых предприятий и научно-производственных центров, демонстрирует значительное

отставание от европейских, китайских и американских индустрий, а также на общесоциальные условия для проявления своих творческих способностей.

Одним словом, на фоне проведения «парадных» спецмероприятий, олицетворяющих внимание государства к молодежи, в России сохраняется целый ряд проблем, которые позволяют скептически относиться к выбранной властями стратегии. Прежде всего претензии касаются недостаточного внимания к повышению уровня жизни российской молодежи, что, впрочем, отражает не только недостаточное внимание властей к этому вопросу, но и общую слабость социально-экономической политики государства. Так, по официальным данным Росстата на 2019 год, 12,3% от всего населения страны имеют доходы ниже величины прожиточного минимума, то есть меньше 10890 рублей в месяц³. При этом во II квартале 2020 года численность населения РФ с доходами ниже прожиточного минимума увеличилась на 1,3 млн человек по сравнению как со II кварталом 2019 года, так и с I кварталом 2020 года, составив 19,9 млн человек⁴. Такая динамика сочетается с неуклонным ростом численности долларовых миллионеров и наличием беспрецедентного в истории страны катастрофического разрыва в уровне жизни населения⁵.

Отметим при этом, что официальная статистика, как правило, не предоставляет данные отдельно по доходам молодежи, однако понятно, что, не имея достаточных профессиональных навыков и материальных оснований для повышения своего благосостояния и социального положения, молодежь чаще других страт испытывает на себе издержки своего экономического положения, а также дефицит других существенных для жизни ресурсов. К примеру, можно представить себе трудности, с которыми сталкиваются молодые люди, когда сегодня каждый четвертый россиянин испытывает материальные проблемы⁶.

Неслучайно, как показывают результаты одного из социологических опросов, 3,9% опрошенной молодежи утверждает, что они еле сводят концы с концами; 16,3%

---

³ Уровень жизни // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.09.2020).

⁴ Вирус сдвинул к бедности 2 млн россиян // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/09/21/5f64ba649a794707f1dd59d1> (дата обращения: 21.09.2020).

⁵ Так, на фоне постоянно растущего числа долларовых миллионеров и миллиардеров, по данным статистики, сегодня в РФ более 18 млн чел. живут за чертой бедности, часть из которых просто борется за выживание: Более 12% россиян за чертой бедности, хуже всего ситуация в Республике Тыва // News.ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.newsru.com/finance/06jul2020/yanao_rich.html (дата обращения: 07.09.2020).

⁶ Кремль оценил опасения россиян об ухудшении экономического положения // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/11/09/2020/5f5b42dc9a7947edd05ec40a> (дата обращения: 15.09.2020).

молодых людей указали на то, что на питание денег еще хватает, однако купить одежду они уже не могут; 32,8% ответили, что денег хватает на питание и одежду, но покупка крупной бытовой техники является для них затруднительной [Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики 2017]. Представляется также, что экономические трудности одновременно являются и источниками распространения в молодежной среде алкоголизма, наркомании, суицидальных настроений и криминальных явлений, а также постоянного воспроизводства негативных источников пополнения молодого поколения (детской беспризорности, домашнего насилия над несовершеннолетними и др.)⁷.

Не менее заметной проблемой становится и настойчивая линия властей на усиление санкций за неконтролируемую государством общественно-политическую активность. Подобная политика в отношении молодежи подкрепляется и массовой информационно-символической практикой, направленной на дискредитацию несогласных и жесткое вытеснение несистемной оппозиции на периферию политической жизни. Не давая оценку такой стратегической линии, отметим лишь то, что молодежи в любой стране органически присуще стремление к совершенствованию своего государства, а следовательно, и к пересмотру определенных принципов и устоев общественной жизни, мешающих, по ее мнению, движению общества вперед. Другими словами, в любой стране всегда существуют некие коллективные действия молодежи, частично выходящие за рамки существующих институциональных и организационных требований с целью изменения существующей системы власти или оказывающие сопротивление тем или иным изменениям в политических системах, в организации, обществе, культуре или мировой системе, в которую они интегрированы [Snow, Soul 2009].

С учетом состояния современного российского общества, переполненного институциональной коррупцией [Скоробогатова 2019], nepoтизмом, многочисленными изъятиями в системе государственного управления и распределения общественных ресурсов, такая активность молодежи имеет немало источников для самовоспроизводства. Стремление же властей либо замолчать, либо жестко воспрепятствовать проявлениям протестной активности молодежи или представить их как результат «внешнего заговора» и подготовки «цветных революций», призванных

---

⁷ Генпрокуратура насчитала шесть тысяч наркоманов среди детей и подростков в России // Газета Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/642145> (дата обращения: 10.09.2020); Здравоохранение в России. Стат. сб. М.: Росстат, 2019. С. 46.

осуществить государственный переворот, в равной мере свидетельствует о непонимании ими природы молодежного протеста (особенно такого, которому не хватает ценностного содержания и смысла в предлагаемых властями пропагандистских идеях), а также о слабости правящей элиты, оказывающейся неспособной убедить молодежь в демократизме и совершенстве установленных ею политических порядков.

Политическая одномерность позиции властей поддерживается организацией молодежных провластных организаций (Евразийский союз молодежи, «Наши», молодежное «Единство» и др.), которые призваны подавить критический настрой у оппонировавших властям различных сегментов молодого поколения. Однако, как свидетельствует практика, при проведении такой политики весьма существенными оказываются риски «соскальзывания» подобных сообществ к националистическим и радикальным воззрениям, разжиганию непримиримости к оппонентам и даже расширению силовых практик «оппонирования», что по понятным причинам не может не сказаться на усилении расколов в молодежной среде.

Существенным фактором, требующим изменения методов влияния на молодежь, является и интенсивная динамика ее представлений (условно говоря, своеобразный духовный голод молодого поколения), который на фоне динамичных информационных обменов становится одним из основных источников социальной энергии данной страты, увеличивающий межпоколенческие разрывы в российском обществе. В этом смысле молодые, живущие в обществе, которое в постсоветский период пережило череду событий, сравнимых с историей развития государств в десятки полноценных лет, не только формируют свои жизненные ориентиры на ином информационном материале, который в значительной мере игнорирует чувства их отцов, живших на стыке соперничающих миров, но и демонстрируют существенные межпоколенческие различия во взглядах и установках внутри молодежной среды. Так, реформенная молодежь, олицетворявшая сложные 90-ые годы, сегодня уже отдала «пальму первенства» поколению миллениалов (окончивших среднюю школу в начале нулевых), за которыми уже видятся очертания поколения Z с его малопонятными приоритетами и установками.

К примеру, ряд исследователей, описывающих общие социальные характеристики поколения миллениалов — такие как отказ значительной части молодежи от курения, падение интереса к религии (с 56% в реформенное время до 32% в нулевых) и т.д., — намеренно дистанцируется от оценки его политико-гражданских установок, обладающих крайней подвижностью и «неуловимостью» [Радаев 2019, 224].

При этом параметры социального облика молодежи следующего поколения теоретики не берутся описывать и прогнозировать даже в целом, ибо российская молодежь «взрослеет» быстрее обычного, достигая финансовой самостоятельности, начиная жить отдельно от родителей и при этом столь же быстро меняя свои образы мира и этико-политическую лояльность к тем или иным партиям, лидерам или событиям. Понятно, что на практике формирование важных для государства характеристик активности вступающего в жизнь поколения (например, его отношение к общественной солидарности, формам гражданской идентификации, политическим пристрастиям и др.) нельзя осуществить без точного понимания его идентификационного образа и тем более уместить в рамки нормативно заданной активности институтов, функционирующих на базе требований, сформированных в иных социальных условиях. В любом случае избирательно усваиваемые этим поколением традиции и динамично меняющиеся взгляды на государство и общество требуют от властей более точного, соотнесенного с опытом этой группы молодежи объема ее символических образов прошлого и настоящего.

Выработку таких инструментов влияния осложняет еще и тот факт, что молодежь очень быстро формирует социокультурные сообщества, не только поощряющие расширение контркультурных практик, но и придающие им высокую устойчивость по отношению к внешним влияниям. Более того, в ряде случаев молодежные субкультуры начинают оказывать существенное влияние и на более широкий социокультурный ландшафт. В мировой практике, например, известны случаи, когда молодежные субкультуры становились источниками формирования более мощных ценностно-ориентационных комплексов, приверженность к которым демонстрировали и люди более старших поколений⁸.

Вместе с тем субкультурная очерченность молодежных воззрений чревата и некими дезинтеграционными эффектами. Поскольку каждая такая субкультура формирует своеобразную эхо-камеру, ориентированную на использование выстроенных в рамках определенной системы кодирования общественного опыта информационно-символических капсул (предполагающих использование идентификационных лингво-семантических и смысловых конструкций), то, помимо разнообразия молодежного

---

⁸ Показательным примером в этом отношении является образование так называемой «новой политической культуры» в странах Запада в конце 80-х годов. Эта зародившаяся в молодежной среде демократическая субкультура придавала значение не политическим размежеваниям в «право-левом» спектре, а рациональному отношению к социально-экономическим отношениям, финансовым инструментам общественного развития, формам самоорганизации гражданского общества и другим, неидеологическим аспектам развития правового и социального государства (См.: [Clarc, Martinot 1998]).

дискурса, в обществе проявляются и феномены «социальной» глухоты по отношению к соседним сообществам и ассоциациям. Вот почему «золотая молодежь» не воспринимает анархистов, волонтеры — панков или феминисток, православные активисты — металлистов, а для старших школьников не понятны ни язык, ни проблемы, которые занимают умы тридцатилетних и т.д.

Еще большую драматичность таким субкультурным расколам в молодежной среде придают интернет-коммуникации, превращающиеся не только в естественную среду повседневной жизнедеятельности, но и в поле предпочтительного общения и обретения социального опыта со своими единомышленниками. В этом аспекте внутренне оправданными становятся профильные для такого сообщества практики социальной активности, в том числе и разнообразные девиации (например, хакерство, превратившееся в распространенный молодежный промысел) [Криптоанархия. Кибергосударства и пиратские утопии 2005], порождаемые эффектами медиатизации, качественно повышающими релятивность убеждений и поверхностность принципов молодых поколений.

Неудивительно, что отечественные традиции в столь разрозненной информационной среде находят у разных корпусов молодых поколений неидентичный отклик. У одних молодых людей стандарты их коллективного общения обуславливают рост ценностей индивидуального самоуважения, самостоятельности и иные параметры личностной автономности, свидетельствующие о преодолении «задавленности» индивидуальной инициативы характерными для традиционалистских форм советского общества «групповой сплоченности» и желании стать «стать яркой личностью» [Сергеева 2005]. У другой части того же поколения сохраняется позитивное отношение к традиции «действовать вместе и сообща, жить как все и не выделяться» (поддерживают 64,7%) [Там же]. При этом более важным следует считать тот факт, что все больше молодых людей и девушек — олицетворяющих поколение «непоротых» (Г.Х. Попов) — преодолевают все еще сохраняющийся у части старшего поколения на генетическом уровне травмированных практиками репрессий и унижения человеческого достоинства в советское время страх перед институтами власти [Там же].

Обозначенные явления и факты свидетельствуют о постоянных — а иногда и нарастающих — девиациях молодежной активности, трансформации потенциала молодого поколения и гипотетических возможностях его включения в самые разнообразные социально-политические проекты. Это аттестует особое, выбивающееся из социального потока общественное местоположение молодежи. По мысли Ж. де Сталь,

это равноценно статусу «иностранцев» в своем обществе. Правда, по мнению Инглехарта, взгляды таких «иностранцев» начинают доминировать в обществе каждые 12–15 лет [Inglehart 1995].

В этом смысле стремление регулировать молодежную активность, воздействовать на ее гражданские позиции и формы политической идентификации способно дать адекватный результат только при понимании важнейших параметров общественного позиционирования молодого поколения, его субкультурной разнородности и органического стремления к самовыражению на основе своих ценностных убеждений. Представляется, что нормативно выстроенная, склонная к формализации и рутинизации деятельность — даже специальных — институтов, построенная на нормах, выработанных на ретроспективном опыте (и потому слабо воспринимающая актуальный характер потребностей и стиль жизнедеятельности молодежи), не в состоянии дать ожидаемо успешные результаты. Власти неизбежно будут в отдельных случаях переходить границы своего влияния, пытаясь оказывать чрезмерное воздействие на личную жизнь молодых людей, а где-то недостаточно использовать свои возможности как главного модератора общественных отношений.

Коротко говоря, в современном российском обществе мы видим немало проявлений низкой результативности формально институализированных форм активности власти. Впрочем, даже институциональный аспект коммуникаций молодежи и государства показывает, что выбранная властями стратегия делает в основном акценты на сохранении лояльности молодого поколения по отношению к установленному политическому порядку и предпочтении парадно-праздничного стиля общения. При этом многие социально-экономические запросы молодежи не попадают в правительственную повестку, а ряд принимаемых властями решений остается на бумаге. Нередко вместо расширения возможностей для проявления творческих способностей молодежи ей предлагаются жизненные принципы, поощряющие сервизм и приспособленчество.

Существенным недостатком усилий государства является стремление огородить молодежь от искушений альтернативными идеями и увлечениями, сократив или даже лишив ее собственного опыта в проведении различных социокультурных экспериментов и апробации тех или иных вариантов гражданской активности. Это часто приводит к обратным реакциям молодого поколения. У многих представителей молодежи, выросших в условиях публичного утверждения властями своей приверженности принципам и нормам демократии, негативное отношение государства с применением

жестких норм судебного и силового контроллинга над мирным протестом населения продуцируют скрытое недовольство и внутреннее сопротивление.

Судя по многочисленным практикам регулирования медиа-политического пространства, можно заключить, что у властей отсутствует адекватное понимание того, что молодежь крайне остро реагирует на решения в области ограничения информации, медиадискурса, гражданских свобод. Таким образом, усиление контроля за блогосферой, расширение практик цензурирования крайне негативно оцениваются в молодежной среде, поддерживая у них отрицательные эмоции по отношению к принимаемым властями решениям. Неслучайно, что исследования 2011–2012 гг. показали существенные деформации патриотического сознания молодежи, разочарованной итогами и процедурами выборов в Государственную Думу, что среди прочих последствий породило и рост эмиграционных настроений среди различных слоев молодежи. Похожие настроения возникли в молодежной среде и после выборов в Московскую городскую думу в 2019 г. Учитывая же еще и то, что власти весьма неэффективно работают с неформальными объединениями молодежи, можно констатировать низкую результативность и невысокую эффективность технологий продвижения принципов официального патриотизма. На этом фоне весьма тревожным симптомом выглядит и тенденция к увеличению числа молодых людей, не усматривающих в стране условий для продолжения своей профессиональной и личной жизни и стремящихся уехать из страны, в том числе навсегда.

Одним словом, как отмечает ряд исследователей, «ключевые ассоциации и характеристики, которые приписываются» российской молодежи правящими кругами, «могут не совпадать» с реальным положением дел [Комаровский 2020]. Это и неудивительно, поскольку немало молодых людей ощущает дефицит свободного социального пространства для самореализации, не видит определенности в образе будущего, которое намечается в замыслах действующих властей.

Такое расхождение диспозиций властей и молодежи подкрепляется постоянным предложением последней ценностей стабильности и безопасности, которые, впрочем, одновременно являются и базовыми символическими установками для населения в целом. С одной стороны, это вполне обосновано. Вспомним в связи с этим классические работы Г. Алмонда, доказавшего на материалах многочисленных исследований неизбежность укрепления политико-культурных основ общества за счет распространения и поддержки «образцового», «нормативного» и предписанного, устанавливающих ограничения как на восприятие гражданами общественного опыта,

так и на «эксперименты по изменению [актуальных — прим. авт.] установок» [Almond 1983]. В этом смысле становится понятным, что популяризуемые властями представления и ценности направлены на форматирование восприятия молодым поколением не только отечественных традиций, но и господствующих идей правящего режима.

В то же время такое, казалось бы, вполне обоснованное «ценностное предложение» слабо соответствует уже упоминавшимся приоритетным для молодежи идеям и ценностям свободы и толерантности, то есть той духовной приверженности, которая соответствует жизненным потребностям поколений, ищущих свое место в жизни. Более того, в этом аспекте следует также отметить, что такие внутренние установки молодежи соответствуют и потребности российского общества в дальнейшем осовременивании, демократизации своих социально-политических отношений и институтов, то есть потребности в развитии тех конструкций, которые обеспечили бы переход от традиционалистских и мифологических картин мира к более сложному объяснению жизненных реалий. А это по определению невозможно без осознания людьми внутренней свободы, необходимости перехода от «боязливого, осторожного «адаптационного» индивидуализма» к «индивидуализму более смелому и раскованному» [Глебова 2006, 26].

Неудивительно, что различные группы молодежи весьма скептически воспринимают социальную лексику властей, делающих акцент на дисциплинарных аспектах дискурса, тем более что в последнее время проявляется страх отдельных политических сил (в том числе и аффилированных с властью) перед свободомыслящей молодежью и ее самостоятельностью. Так, бывший телеведущий, а ныне пресс-секретарь Роснефти Михаил Леонтьев считает, что «мы [государство — прим. авт.] столкнемся с необходимостью лишить молодежь избирательных прав, наверное, в ближайшее время. Потому что иначе мы потеряем страну»⁹.

Возможно, именно такие интенции не позволяют властям должным образом скорректировать свою информационно-символическую политику, ориентированную на исходные принципы политической пропаганды, среди которых специалисты выделяют фиктивную прокламацию убеждений в нейтралитете политических и общественных институтов, плюрализм СМИ, отсутствие социальных конфликтов в государстве, наличие в обществе всех возможностей для индивидуального и личного выбора,

---

⁹ Александр Гольц: «Уходящая натура» // News.ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.newsru.com/blog/11sep2020/rus_bel.html (дата обращения 10.08.2020).

приверженность неизменной природе человека [Шиллер 1980]. К сожалению, главной жертвой такой информационной политики становятся ценности свободного волеизъявления молодежи, ее тяготения к демократическим нормам социального правления и порядка, самостоятельному определению своей жизненной траектории.

Выводы и перспективы

Итак, применяемый государством институциональный инструментариум обладает целым рядом ограничений, обусловленных административно-организационной нормативистикой, в то время как реальный спектр проблем, возникающих в молодежной среде, слабо укладывается в прокрустово ложе нормативных подходов. Неслучайно, что суммарным итогом проводимой властями политики является 25 место в мире, занимаемое Россией по данным Индекса развития молодежи¹⁰. Может быть, место и не совсем плохое, но в любом случае явно неподходящее для страны, стремящейся к качественному повышению своей роли в мировом пространстве.

Как бы то ни было, но время требует от государства перехода к более плотному стилю общения с молодежью, использованию потенциала неформальных и горизонтальных коммуникаций, способных, с одной стороны, добиться микрогрупповой сплоченности представителей государства и молодого поколения в целях совместного решения актуальных проблем молодежного развития, а с другой — побудить власти смотреть на существующие проблемы еще и глазами самой молодежи.

В этом смысле нам представляется, что более продуктивной формой организации молодежной политики сегодня является модель, исключающая приоритеты иерархических форм институционального регулирования, порождающих заорганизованность, формализм и оторванный от жизни символизм парадных мероприятий. Противоположная по смыслу схематика отношений государства с молодежью предполагает поддержание органами государственного управления повседневного внимания к проблемам молодежи и вовлечения молодых людей в специализированные формы своей деятельности на основе поощрения их гражданских инициатив. Такие по сути сетевые формы взаимодействия государства и молодежи предполагают воспитание подлинных молодежных лидеров, применение инструментов наставничества, расширение молодежной аудитории, вовлеченной в практические

---

¹⁰ Данные индексы сформированы ЮНЕСКО и учитывают общее состояние молодежи, наличие равных возможностей молодых людей с гендерной точки зрения, а также социально-экономическое благополучие молодежи (возможность и занятость, уровень образования, качество здоровья, безопасность, гражданское и политическое участие молодежи): The Global Youth Wellbeing Index // Youthindex [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youthindex.org> (дата обращения: 02.09.2020).

общественные преобразования. В рамках такой стилистики будут снижаться издержки централизации и риски формализации деятельности государственных институтов, расширяться пространство самоорганизации и самопрезентации молодежных интересов.

Правомерность такого подхода объясняется еще и тем, что на сегодняшний день власти не смогли предложить инструментарий, позволивший бы поддерживать убежденность молодежи в одновременном преимуществе отечественной политической модели и закрепляемых Конституцией идеях демократии, свободы, прав человека. Правящие круги не могут не видеть, что наличие социально-экономических проблем в обществе, вознесение на высшие уровни благосостояния крупных чиновников, усиление административно-контрольных мероприятий, повышение налогов и штрафов, а временами и прямое беззаконие со стороны отдельных чиновников и политиков превращаются в своеобразный триггер общественной активности молодежи, стимулирующей требования демократизации общества.

При этом нельзя не видеть и того, что зарубежный и отчасти отечественный опыт регионального развития гражданского сектора государственного управления [Якимец, Никовская 2011] показал высокую эффективность практик, повышающих воспитательный потенциал молодежи и ее различных структур (молодежных парламентов, молодежных фракций в политических партиях и др.). Опыт показывает и перспективность организации и проведения молодежных (отраслевых, ведомственных, территориальных и проч.) проектов на основе реального взаимодействия молодых людей с представителями государственной власти. Все это расширяет пространство творческой активности молодежи, свободы реализации ею своего социального и гражданского потенциала, активного продвижения ее ценностных императивов и внутренних установок.

Понятно, конечно, что новый стиль государственной молодежной политики, преодолевающий тяготение к усилению контроля за молодежью, недоверие ее общественно-политическим инициативам и страх перед самоорганизацией молодого поколения и его социокультурными экспериментами, может сложиться только в контексте общедемократических преобразований в стране. В этом смысле базовым основанием таких усилий государства должен стать его полномасштабный политический консенсус в обществе, направленный не столько на повышение легитимации власти, сколько на формирование атмосферы доверия и взаимного уважения [Inglehart 1990]. Отсутствие такого консенсуса будет означать нарастание

конфликтности и внутренней конфронтации, в которую будет неизбежно вовлечена и молодежь со всей ее энергией и творческим потенциалом.

Таким образом, если в теории переход к новой стратегии государства должен базироваться на постоянном измерении позитивных и проблемных результатов проводимой властями политики, позволяющих понять трансформации в жизнедеятельности молодежи [Catalano et al. 2002], на практике залогом успеха такой стратегии могут стать последовательная линия на раскрепощение творческой энергии молодежи, доверие к ее взглядам и убеждениям и установка на вовлечение молодых людей в реальные проекты по управлению общественными процессами. Только в этом случае заорганизованность и формализм, централизация и парадно-фестивальный стиль работы с молодежью уйдут на далекую периферию, освободив пространство подлинной заботе государства о своем молодом поколении.

Список литературы:

- Андрюшина Е.В.* Государственная молодежная политика в российском обществе: этапы, основные направления, показатели результативности // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С. 269–281. DOI: 10.24411/2070-1381-2018-00027.
- Глебова И.И.* Политическая культура России: образы прошлого и современность. М.: Наука, 2006.
- Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л.* Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2016.
- Комаровский В.С.* Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 45–50. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7041>.
- Кочетков А.В.* Конституция Российской Федерации как основа формирования законодательства о государственной молодежной политике // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации. М.: МГЮА, 2009. С. 93–100.
- Криптоанархия. Кибергосударства и пиратские утопии (пер. с англ.) / Под ред. П. Ландлоу. Екатеринбург: Ультракультура, 2005.
- Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестоपाल. М.: Аспект Пресс, 2008.
- Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2018.
- Радаев В.В.* Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Сергеева А.В.* Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность, М.: Наука, 2005.

Скоробогатова А.В. Институциональная коррупция в государственном управлении: модели и практики // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 75. С. 86–100. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-00005.

Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования / Под ред. С.В. Чуева, М.: Издательский дом Государственного университета управления, 2017.

Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980.

Якимец В.Н., Никовская Л.И. Публичная политика как ресурс и фактор посткризисной модернизации // Модернизация и политика в XXI веке. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 27–35.

Almond G. Communism and Political Culture Theory // Comparative Politics. 1983. Vol. 15. No. 2. P. 127–138. DOI: <https://doi.org/10.2307/421672>.

Bozeman B. Public Value and Public Interest. Counterbalancing Economic Individualism. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2007.

Catalano R.F., Berglund M.L., Ryan J.A.M., Lonczak H.S., Hawkins J.D. Positive Youth Development in the United States: Research Findings on Evaluations of Positive Youth Development Programs // Prevention & Treatment. 2002. Vol. 5. Is. 1. DOI: <https://doi.org/10.1037/1522-3736.5.1.515a>.

Clarc T.N., Martinot V.H. The New Political Culture. Colorado: Westview Press, 1998.

Inglehart R. Changing Values, Economic Development and Political Change // International Social Science Journal. 1995. No. 145. P. 379–403.

Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1990.

Lunn J., Wildawsky A. Public Administration: The State of Discipline. New York: Chatham House Pub, 1990.

Schwartzman K.C. Globalization from a World-System Perspective: A New Phase in the Core — A New Destiny for Brazil and the Semiperiphery // Journal of World-Systems Research. 2006. Vol. 12. Is. 2. P. 265–307. DOI: <https://doi.org/10.5195/jwsr.2006.368>.

Snow D.A., Soul S.A. A Primer on Social Movements. New York: W.W. Norton & Company, 2009.

Дата поступления: 17.09.2020

Kamalova M.I., Solovyov A.I.

State Youth Policy: Problems and Ways of Development in Modern Russia

Maria I. Kamalova — PhD student, Policy Analysis Department, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: alaevami@spa.msu.ru

Alexander I. Solovyov — PhD, Professor, Head of Political Analysis Department, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: solovyev@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0001-7146-0299](https://orcid.org/0000-0001-7146-0299)

Abstract

Based on the analysis of typical practices and mechanisms for forming modern state youth policy in the Russian society, the authors show inconsistency and lack of state efforts in this area, and note the low effectiveness of implementing the goals set by the authorities. The main reasons that make it difficult to work effectively with young people are the predominance of formally institutionalized mechanisms and technologies in the work of the authorities, which result in a lack of organization and formal style of maintaining social ties with young people, as well as weak identification of generational characteristics and intergenerational relations in this social group. These approaches and the resulting communications lead to an increase in the costs and risks of working with the younger generation, focused on forms of self-realization and manifestation of their social potential that are less constrained by administrative restrictions. Ultimately, institutional and administrative restrictions significantly reduce, and in some cases do not allow the authorities to establish the necessary trust relationships with young people for both sides. In a broader socio-political context, such unstable forms of social solidarity prevent the authorities from linking together efforts to democratize society and create identification models among young people based on adherence to the norms and principles of the established political order. As a more productive strategy for working with young people, it is proposed to switch to more formalized practices designed to significantly update the techniques and methods of work of specialized institutions involved in the youth policy implementation, expand the practice of designing specific programs and goals by strengthening informal communications with various, especially professional, territorial and national youth corps. Different generations of young people should also be given special attention, especially in view of the progressive maturation of young people and their inclusion in the professional communications sphere. An integral tool for updating the state youth policy should be a qualitative increase in the practical participation of young people in solving urgent social problems at the local and regional levels of government. However, despite all the specifics of working with young people, the success of state policy can only be achieved against the background of general democratic transformations in the Russian state and society.

Keywords

State youth policy, institutional design, youth, intergenerational contradictions, democracy.

DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10109

References:

- Almond G. (1983) Communism and Political Culture Theory. *Comparative Politics*. Vol. 15. No. 2. P. 127–138. DOI: <https://doi.org/10.2307/421672>.
- Andryushina E.V. (2018) State Youth Policy in Russia: Evolution, Main Directions. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 67. P. 269–281. DOI: 10.24411/2070-1381-2018-00027.
- Bozeman B. (2007) *Public Value and Public Interest. Counterbalancing Economic Individualism*. Washington, D.C.: Georgetown University Press.

- Catalano R.F., Berglund M.L., Ryan J.A.M., Lonczak H.S., Hawkins J.D. (2002) Positive Youth Development in the United States: Research Findings on Evaluations of Positive Youth Development Programs. *Prevention & Treatment*. Vol. 5. Is. 1. DOI: <https://doi.org/10.1037/1522-3736.5.1.515a>.
- Chuyev S.V. (ed.) (2017) *Tsennostnyye oriyentatsii rossiyskoy molodezhi i realizatsiya gosudarstvennoy molodezhnoy politiki: rezul'taty issledovaniya* [Value orientations of Russian youth and implementation of state youth policy: research results]. Moscow: Izdatel'skiy dom Gosudarstvennogo universiteta upravleniya.
- Clarc T.N., Martinot V.H. (1998) *The New Political Culture*. Colorado: Westview Press.
- Glebova I.I. (2006) *Politicheskaya kultura Rossii: obrazy proshlogo i sovremennost* [Political culture in Russia: past experience and modern state]. Moscow: Nauka.
- Inglehart R. (1990) *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Inglehart R. (1995) Changing Values, Economic Development and Political Change. *International Social Science Journal*. No. 145. P. 379–403.
- Kochetkov A.V. (2009) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii kak osnova formirovaniya zakonodatel'stva o gosudarstvennoy molodezhnoy politike [The Constitution of the Russian Federation as the basis for the formation of legislation on state youth policy]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 15-letiyu Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii*. Moscow: MGYUA. P. 93–100.
- Komarovsky V.S. (2020) Image of the Desired Future of Russia: Problems of Formation. *Vlast'*. Vol. 28. No. 1. P. 45–50. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7041>.
- Ludlow P. (ed.) (2005) *Crypto Anarchy, Cyberstates, and Pirate Utopias*. Yekaterinburg: Ul'trakul'tura.
- Lunn J., Wildawsky A. (1990) *Public Administration: The State of Discipline*. New York: Chatham.
- Radayev V.V. (2019) *Millenialy: Kak menyayetsya rossiyskoye obshchestvo* [Millennials: How Russian society is changing]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Schwartzman K.C. Globalization from a World-System Perspective: A New Phase in the Core — A New Destiny for Brazil and the Semiperiphery. *Journal of World-Systems Research*. 2006. Vol. 12. Is. 2. P. 265–307. DOI: <https://doi.org/10.5195/jwsr.2006.368>.
- Sergeyeva A.V. (2005) Russkiye: stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost' [Russians: stereotypes of behavior, traditions, mentality]. Moscow: Nauka.

- Shestopal E.B. (2008) *Obrazy gosudarstv, natsiy i liderov* [Images of States, Nations, and leaders]. Moscow: Aspekt Press.
- Shiller H. (1980) *The Mind Managers*. Moscow: Mysl'.
- Skorobogatova A.V. (2019) Institutional Corruption in Public Administration: Models and Practices. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 75. P. 86–100. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-00005.
- Smorgunov L.V. (2018) *Publichnaya politika: Instituty, tsifrovizatsiya, razvitiye: Kollektivnaya monografiya* [Public policy: Institutions, digitalization, development]. Moscow: Aspekt Press.
- Snow D.A., Soul S.A. (2009) *A Primer on Social Movements*. New York: W.W. Norton & Company.
- Yakimets V.N., Nikovskaya L.I. (2011) *Publichnaya politika kak resurs i faktor postkrizisnoy modernizatsii* [Public policy as a resource and factor of post-crisis modernization]. *Modernizatsiya i politika v XXI veke*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). P. 27–35.
- Zubok YU.A., Rostovskaya T.K., Smakotina N.L. (2016) *Molodezh' i molodezhnaya politika v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Youth and youth policy in modern Russian society]. Moscow: ITD «PERSPEKTIVA».

Received: 17.09.2020